

История России в рассказах для детей. Сочинение Александры Ишимовой

Собрание сочинений в девяти томах

М., "Художественная литература", 1979

Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

ИСТОРИЯ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ. Сочинение Александры Ишимовой. Санкт-Петербург. 1841. В тип. Е. Фишера. В 8-ю д. л. В трех частях. В I - 377, во II - 366, в III - 426 стр.

Едва успела выйти в свет последняя (шестая) часть "Истории России" г-жи Ишимовой, - как уже является второе издание всего сочинения {1}. Причина такого успеха двоякая: у нас мало даже каких-нибудь, не только удовлетворительных историй России, доведенных до конца {2}, а "История" г-жи Ишимовой доведена до смерти Александра Благословенного; {3} потом, рассказ г-жи Ишимовой до того картинен, жив, увлекателен, язык так прекрасен, что чтение ее истории есть истинное наслаждение - не для детей, которым чтение истории, какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, - а для молодых, взрослых и даже старых людей. Говоря о "Русской истории для первоначального чтения" г. Полевого, мы уже замечали, что обращения автора к "милым маленьким читателям" только портят сочинение, которое хорошо само по себе {4}. История не существует для "детей": она возможна только для возникающего сознания {5}, которому становится возможным отвлеченное представление о народе, государстве и человечестве, как идеальных личностях. Тем менее может быть интересна и понятна для детей частная история, чуждая общих элементов, с странными именами и действительностью, нисколько не похожая на современную. И не у дитяти закружится голова от непроходимой чащи Ростиславов и Мстиславов, от междоусобных браней, чуждых общего значения...

Что касается до недостатков в "Истории" г-жи Ишимовой, их не может не быть довольно уже потому, что русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере. Доселе у нас меряют ее не русским аршином, а европейским футом: оттого она остается для нас более загадкой, чем для иностранцев. Так, например, наши историки и знать не хотят об исторической перспективе, о которой первый заговорил на Руси г. Каченовский {6}. Для них первый период русской истории от предполагаемого Рюрика до Ярослава так же ясен, как период от Екатерины Великой до наших дней, - и они излагают его с такою же подробностью, как будто бы дело шло, например, о царствовании Александра Благословенного, как будто бы они сами жили во времена Рюриков, Олегов, Игорей и Святославов и все бывшее в ту эпоху видели собственными глазами. Оттого у них эти полумифические тени, эти полуисторические призраки говорят, чувствуют и действуют то как Карл Великий, то как наши современники, а общественные отношения (в то время, когда едва был зародыш общества и совсем не было общества {7}), представляются им столько же определенными и ясными, как последние известия в "Journal des Debats" {"Газете прений" (франц.). - Ред.}. Удельную систему наши историки смешивают с феодальной, тогда как между первою и последнею гораздо меньше сходства, чем между готическою и китайскою архитектурою.

Вследствие всего этого у наших историков нет гармонии и соответственности между частями повествования. История России до Петра Великого у них всегда обширнее последующей истории до наших дней, тогда как история до Петра Великого должна относиться к истории этого величайшего монарха, как предисловие или введение в сочинение относится к самому сочинению. Первый период, до Ярослава, должен состоять в отрывочных, бессвязных известиях византийских историков и вообще в указаниях из чуждых источников: из туземных же свидетельств должны упоминаться только те, которые не противоречат иностранным и подтверждаются ими. Идея удельного периода русской истории должна быть не чем иным, как идеею расширения России вовне, - и только те факты должны быть изложены (да и то как можно короче), которые могут служить к уяснению этой идеи. Идея татарского периода России есть идея начала централизации России около Москвы, возникновение _Московского государства_, сплочение России через чувство общего бедствия,